

*Выходя из кафе,
Не узнают свое пальто,
Но не знают,
Что и пальто их не узнает.*

В. Х. Дагларджэ, «Стать другим»

Посвящаю своему старшему брату

Хотя на самом деле еще неизвестно, кто из нас двоих старший: разница между нашим появлением на свет — какие-то несчастные пятнадцать минут, и в данном случае говорить о первенстве, по-моему, просто смешно. Это лишь в нашей семейке дело обстояло таким образом: Кирюха вылез первый, и поэтому старшим всегда считали именно его. А второго — меня то есть — до последнего момента вообще никто не ждал: я выкуклился совершенно неожиданно как для родителей, так и для врачей, контролировавших беременность моей матери. Никаких УЗИ тогда в помине не было, а сами специалисты по разным обстоятельствам не сумели определить, что в глубинах материнского чрева растет себе, спокойненько развивается еще и второй плод-скромняга. Получается, для родителей я вообще не существовал на протяжении этих девяти месяцев, и все сладкие обращения матери к эмбриону, ее любовь и радостные ожидания предназначались исключительно ему, моему дорогому братику. Когда один из нас шевелился внутри — стучался головкой о стенку живота или делал разминку своих несовершенных конечностей, — все, разумеется, умильно вздыхали и говорили: «Ах, смотрите, это Кирюшенька вас приветствует».

Логично предположить, что до рождения я тоже мог быть полноправным Кириллом и имел все шансы носить это имя до конца жизни.

Отец, нетерпеливо ожидавший в приемной роддома, когда жена освободится от бремени, со сдержанной радостью воспринял от акушерки известие о появлении на свет сына. Он растроганно объявил всему медперсоналу, что отныне является самым счастливым папашей в мире. Через четверть часа, однако, таковым себя уже не считал — вы понимаете, что это произошло в ту минуту, когда ему преподнесли новость о неожиданном рождении Кирюшиного двойника, то есть меня. Замешательство отца было вызвано не только тем, что своим своевольным пришествием в жизнь я становился причиной незапланированных семейных расходов: не обладая реактивностью ума и гибкостью воображения, старик совершенно не представлял, как же ему меня назвать. Имя для моего счастливого братца он подбирал очень неспешно, потратив на поиски подходящего варианта не один месяц и изучив вдоль и поперек словарь мужских имен.

На помощь ему пришла акушерка, всем видом излучавшая заботу и дружелюбие: она посоветовала растерянному папочке назвать меня

в честь него самого, Романом, и тот вздохнул с облегчением — по его мнению, вариант был не самый плохой. Так на свет появился фонетический монстр, аллитерационное страшилище, полное звучание которого легко восстановить, взглянув на фамилию автора этих строк и произведя несложные умозаключения. Получилось, черт возьми, не имя, а готовый псевдоним для литературных публикаций!

По воле природы оказавшись однойцовыми близнецами, мы с Кириллом обладали поразительным сходством: оба черноволосые, одного роста и веса, мы родились с одинаковыми изумленно взирающими на мир глазенками. Опытная акушерка каким-то чудом подметила, что у моего братика нос немного длиннее, и браво взяла данную приметку на вооружение. Однако и она растерялась, когда после первой отлучки от матери нас вернули в палату идентично спеленатыми. Хорошая женщина внимательно разглядела наши носопырки и, как отметила мама, не очень-то уверенно сказала, указывая на одного из нас: «Это Кирюша». Чувствуете, как судьба играла новорожденными близнецами? Она словно дразнила нас, тасовала вслепую, чтобы в конце концов присвоить счастливчику почетное звание первенца и отдать ему связанные с этим привилегии — тщательно отобранное имя и львиную долю родительской любви. Я надеюсь, вы понимаете, как смехотворны свидетельства акушерки, которую провидение избрало своим орудием, и как легко она могла ошибиться, сравнивая наши практически неразличимые носы. Кто сегодня может поручиться за то, что нас тогда действительно не перепутали и мой братец на самом деле является Кирюшей? Может быть, мне вполне небезосновательно кажется порой, что я — в большей степени Кирилл, нежели он сам.

Удивительно похожие внешне, мы с самого начала резко отличались характерами, а также способом восприятия и оценки окружающего мира. Кирюша, как и положено старшему и более любимому сыну, был весел, боек и общителен; желание есть, играть и находиться в сухих ползунках он выражал громким, требовательным криком, открыто идущим из самых глубин его естества. Братишка был любопытен и спонтанен в своих действиях: совершая какую-нибудь

мелкую пакость, он лишь потом думал, нужно ли это было делать. Точнее, Кирилл вообще не думал, это делал за него я — образно говоря, я был мыслительным центром брата, его рефлексивно-аналитическим органом. С ранних лет склонный к созерцательному уединению и неторопливым размышлениям, серьезный и малообщительный, я обладал даром философского обобщения разрозненных фактов и целостным, многогранным видением ситуации, чего был напрочь лишен «светский», сиюминутный Кирилл.

Бывало, легкомысленно набедокурив и получив от взрослых нагоняй, он врывался в детскую, где я сосредоточенно медитировал над каким-нибудь объемным сооружением из цветных деревянных кубиков. Весь эмоции и сопли, Кирилл бросался на пол и, сотрясаясь от рыданий, жаловался на отца, который на него наорал и даже выдал пару подзатыльников — все, дескать, из-за того, что он делал самолетики из лежавших на столе листов бумаги и с энтузиазмом отправлял их в полет с балкона. Я обнимал братишку, успокаивал как мог, давал поиграть кубиками, а сам шел выяснять, за что Кирюхе влетело.

Неслышно замирая под дверью кухни, я слушал исподтишка, как отец раздраженным голосом произносил какие-то непонятные слова — «отчет», «баланс», «месячная работа», «все псу под хвост» (неласково вставляя тут и там имя моего брата), — и выстраивал в голове приблизительную картину Кирюхиного проступка. Когда я возвращался в нашу комнату, братец уже успевал осушить слезы. Безжалостно разрушив мой пространственно многомерный дворец, он выкладывал из кубиков плоскую абстрактную мозаику, беспорядочно и хаотично соединял цвета, повинуясь лишь своему изменчивому настроению, а отнюдь не интеллектуальным расчетам, характерным для моего творчества. Я терпеливо объяснял Кириллу, за что ему попало: дескать, по своему легкомыслию он уничтожил некие важные документы, на подготовку коих отец угрохал уйму времени и за которые ему теперь самому влетит на работе. Кирюша вздыхал, чистосердечно раскаивался в содеянном, соглашался, что поступил необдуманно и понес заслуженное наказание. Он с восхищением, почти с обожанием глядел на меня: я вносил божественную искру осознанности в его маленький сумбурный мир, полный

Поэзия

СВЕЧА

*И спичка серная меня б
согреть могла...
О. Мандельштам*

*За речку Стикс и за Вторую речку —
Умора-городок —
Запеленая копеечную свечку
В коричневый платок,*

*Не зажигай, побереги до срока, —
Придет ее черед.
Весна тяжелым ломом у порога
Раскалывает лед.*

*А ты усни, кусочек воска спрятав
Во внутренний карман.
Случайно оказавшись рядом,
Плывущие в туман*

*В огромной лодке атеист и выкрест,
Священник и поэт
От тесноты и страха за борт выпасть
Цепляются за свет,*

*Не видя света, словно сельди в бочке.
Но уходя во тьму,
Ты береги свою свечу в платочке
И ближе будь к тому,*

*Кто в нужный час поднимется
над скверной
И, стоя на краю,
Такой же сбереженной спичкой серной
Зажжет свечу твою.*

Андрей ЗЕМСКОВ

ураганных событий и — на взгляд Кирилла — беспричинных ударов судьбы. Своей рассудительностью я успокаивал брата и восстанавливал в его душе кратковременную гармонию, которую он в следующую минуту готов был разрушить новой непредсказуемой выходкой.

Сегодня никто не может сказать наверняка, когда я научился читать: отец утверждает, в три с половиной года, мать говорит — в четыре; точно так же по сей день неизвестно, кто именно обучил меня складывать буквы в слова. В один прекрасный день мама пришла за своими чадами в детский сад, и перед ее изумленным взором предстала следующая чудная картина: я сидел, окруженный зачарованными одноклассниками, и, выразительно интонируя предложения, читал им волшебную сказку про Золушку. Кирилл же на глазах у детей занимался пластической анимацией этой замечательной истории: он как раз вдохновенно изображал превращение тыквы в карету, в которой Синдерелла должна была отправиться на бал. Потрясенная мать спросила у воспитательницы, что значит сие представление. Вечно занятая работой и хозяйственными делами, она даже не догадывалась, что, оказывается, один из ее сыновей умеет читать, а второй с удовольствием выпендривается перед публикой, создавая потешные сценические образы. Пожав плечами, воспитательница сказала, что в детсаде о близнецах-вундеркиндах уже давно ходит звездная молва и странно, что родители не знают о талантах собственных детей. Маман сокрушенно покачала головой: мол, их двоих бы накормить досыта да одеть худо-бедно, вот и кручусь весь день как белка в колесе, где уж тут замечать и развивать природные дарования отпрысков — пусть этим воспитатели занимаются, они в педагогике куда больше смыслят.

Действительно, родителям не было никакого дела до нашего внутреннего мира, да и не очень-то он их, рабоче-крестьянских потомков, интересовал: тонкие сферы духа были для них несусветной чужью, фантазиями буржуев-бездельников, которые «только и делают, что с жиру бесятся». Наши с Кириллом создатели воспринимали жизнь сугубо материально, как череду трудовых будней, и цель существования усматривали в непрерывном добывании хлеба насущного,

политого праведным потом. Ну, может быть, иногда не совсем праведным: наша мамочка, заведовавшая складом центрального универсама, допускала легкие отклонения в образе советского труженика. Она частенько любила приговаривать: «Хлеб и книги воровать не грешно», по вечерам устало выкладывая на стол дефицитные чешские колготки и ароматные куски импортного туалетного мыла, которые тайком уносила с работы. Мы с братишкой замирали от удовольствия, слушая эту сентенцию — философское обобщение материнского жизненного опыта, — не пытаясь вникнуть в смысл слов и понять, что общего может быть между нейлоновыми чулками и хлебом. Лично мне созвучие этих слов доставляло чисто эстетическое наслаждение, всякий раз вызывая пробегающие по спине мурашки с холодком. А вот Кирюша, похоже, принял изречение матери за божественное откровение и в своем простодушии взял его на вооружение.

Однажды Боря Федоров, наш товарищ по детскому саду, принес в группу суперкнигу «Библия для детей». До сих пор не могу понять, где Борькины родители откопали это издание, полное дивных иллюстраций — тогда, в самый расцвет воинствующего советского атеизма. Гордый обладатель книги медленно переворачивал гладкие страницы, едва дотрагиваясь до них пальцами, и перед глазами малышей, затаивших дыхание от восхищения и зависти, мелькали яркие картинки с изображением людей в чудных одеждах, диких животных и невиданных строений. Я слышал, как сильно бьется рядом со мной сердце Кирилла, угомонившегося и непривычно смиренного, и чувствовал, что он чуть не плачет от нахлынувшего на него восторга. Кто-то из детишек предложил почитать книгу, и Борька, еще не владевший искусством оживления печатного слова, нехотя передал Библию в мои руки. С трепетом принял я роскошное издание и, открыв наугад одну из страниц, начал читать:

«И был Авель пастырь овец, а Каин был земледelec. Спустя несколько времени, Каин принес от плодов земли дар Господу, и Авель также принес от первородных стада своего и от тука их. И призрел Господь на Авеля и на дар его, а на Каина и на дар его не призрел. Каин сильно огорчился, и поникло лицо его. И сказал Каин

Авеля, брату своему: пойдем в поле. И когда они были в поле, восстал Каин на Авеля, брата своего, и убил его...»

— Чушь собачья, — внезапно прервал меня местный авторитет Костя Родионов, громко зевнув, — с твоим щавелем от тоски сдохнуть можно. Пацаны, айда в войнушку играть!

Общество и в самом деле было разочаровано: все клюнули на многообещающие картинки и ожидали занятную сказочку про семерых козлят, а вместо этого — вот вам! — бред сивой кобылы про овец да братьев-баранов. Дети, они ведь сами как стадо: куда вожак направит, туда и ринутся сломя голову, — поэтому через минуту Борька со своим оплеванным сокровищем был предан забвению, а малыши с шумом и гиканьем понеслись на поиски новых забав. Развенчанный герой дня постоял немного в гордом одиночестве, потом с досады плюнул, швырнул Библию на подоконник и побежал вслед за остальными. Про книгу до поры до времени забыли.

В тот день после обеда, когда дети один за другим погрузились в сладкую дремоту на своих раскладушках, группа внезапно содрогнулась от дикого вопля, который издал мой братец. Все переполошено повскакивали с постелей и увидели, что Кирюша сидит, схватившись рукой за челюсть, а по щекам у него градом катятся слезы. В комнату ворвалась испуганная воспитательница и, увидев моего несчастного близнеца, подбежала к нему узнать, что с беднягой стряслось.

— Зуб болит! — истерично проорал братишка. — А-а-а, не могу, сейчас умру!

— Бедненький, ну потерпи немного, — бросилась его успокаивать добрая женщина, — сейчас я тебя отведу в медпункт. Иди возьми из ячейки одежду.

— Ой, только не надо в медпункт! — благим матом возопило дитя. — Он сам пройдет!..

— Нет-нет, Кирюшенька, обязательно нужно к врачу сходить, — мягко возразила воспитательница. — Подожди, я сейчас сама принесу твою одежду.

— Не-е-ет! Не надо одежду, — проревел Кирилл, побагровев лицом, — я сам!

Но воспитательница уже не слушала его; она твердым шагом направилась к детской раздевалке, а мой братец притих, съежился под одеялом

и громко зашмыгал носом, уткнувшись глазами в пол и кулаками вытирая слезы. Вернулась она через минуту, в одной руке неся Кирюхины шмотки, а в другой — большую книгу в красочном ламинированном переплете.

— Опочки, а ведь это, кажется, моя Библия, — удивленно присвистнул Борька Федоров из своего угла, — я еще думаю — куда она запропастилась? Где вы ее нашли, Валентина Ивановна?

— У Кирилла в ячейке, — ответила воспитательница и внимательно посмотрела на моего братца. — Кирюша, ты можешь объяснить, как Борина книга оказалась в твоём шкафу?

Брат сидел, насупившись и не поднимая на воспитательницу глаз.

Очень скоро по саду подобно вирусной инфекции разнеслась возбуждающая новость: ЧП! ЧП! Наш звездный мальчик Кирилл — гнусный воришка! Еще вчера всеобщий любимец, сегодня он в мгновение ока стал объектом презрения и злорадного зубоскальства бывших обожателей. Дети — они, конечно, планеты нежные цветы, но дай им повод, и они продемонстрируют такую неординарную жестокость по отношению к провинившемуся товарищу, что даже самый зачерствевший взрослый придет в ужас. Коллектив воспитателей в поучительных целях решил организовать игру «Допрос преступника». Моего бедного братишку, одновременно мучимого зубной болью и приступами жесточайшего стыда, выставили перед всей группой. Дети, поощряемые суровыми наставницами и науськиваемые бригадой любопытных кухонных работников, учинили пунцовому Кириллу пресс-конференцию.

БОРЯ ФЕДОРОВ (*укоризненно*): Кирюха, как ты мог? Я же твой лучший друг.

КИРИЛЛ (*дрожащим голосом*): Прости, пожалуйста, Боря, я больше так не буду, я не хотел тебя обижать.

Я (*про себя*): Ага, как же, лучший друг! Был бы другом, взял и подарил бы нам книжку.

ОЧКАСТАЯ БЭЛЛА (*строго*): Кирилл, разве ты не знаешь, что советский человек так не поступает?

КИРИЛЛ (*уныло*): Знаю, просто как-то само вышло...

Я (*про себя*): Интересно, а наша мама — советский человек?

ЛЮСЬКА-ПОПАДЬЯ (*глухим голосом, тупо уставившись в пол*): Батюшка говорит, что воровать нехорошо, так Иисус учил. Ты понимаешь, что ужасно согрешил?

КИРИЛЛ (*хлюпая носом*): Конечно. Я очень плохо поступил. Простите меня.

Я (*про себя*): Осел твой Иисус, ему с нашей мамой поговорить надо — она ему живо все растолкует.

КОСТЯ РОДИОНОВ (*рассудительно*): Эй, Романов, зачем тебе вообще понадобилась эта книга? Я понимаю, если бы ты машинку какую-нибудь свистнул — а эту дребедень!..

КИРИЛЛ (*разводя руками*): Сам не знаю, как меня угораздило...

Я (*про себя*): Это смотря кому что. Для тебя, может, и дребедень, а мне так очень понравилась книжечка.

ЕГОР КРАСНОНОС (*сурово*): Тебе хоть стыдно сейчас, вор несчастный?

Кирилл опускает голову, кривит рот и принимается жалобно скулить.

Я (*про себя*): Тебя бы на его место, у тебя не то что нос — задница покраснеет.

КОСТЯ РОДИОНОВ (*строго*): Ну и как нам теперь с тобой поступить прикажешь?

КИРИЛЛ (*чуть слышно*): Не знаю.

ЕГОР КРАСНОНОС (*угрожающе*): А чего тут долго думать? Поставить фингал — и дело с концом.

МИША КАДАРКИН (*с веселой удалью*): Руки ему обрубить по самые не-балуйся, чтоб впредь неповадно было.

ОЛЯ БОГДАНОВА (*жалостливо*): Ой, ну что вы на него накинулись — смотрите, он уже плачет. Кирюша, ведь ты раскаиваешься?

КИРИЛЛ (*хлюпая носом*): Ага...

Видя, что бедное дитя находится на грани нервного срыва, и, вероятно, решив, что его подвергли достаточной психологической атаке, воспитатели взмахом руки прекратили сеанс шоковой терапии. Молодая нянечка в засаленном переднике уже весело стучала посудой, раскладывая по тарелкам макароны с мясом; малыши, оживленно обсуждая случившееся, заторопились к столам — восстанавливать калории, утекшие из их организма вместе с энергией праведного гнева, коим они щедро полили моего преступного братца. Кирилла в наказание оставили без

ужина: известно ведь, что во время поста происходит очищение души и духа. Кроме того, исходя из педагогических соображений, директриса велела ему вплоть до прихода родителей просидеть под столом воспитательницы, чтобы он «поразмышлял над своим скверным поступком». Вы помните, что Кирилл от природы не был способен к размышлениям, поэтому мне пришлось из солидарности забраться под стол вместе с ним.

— Картинки понравились? — шепотом спросил я Кирюшу — скорее утвердительно, нежели с вопросительной интонацией.

В день, когда нам с Кириллом исполнилось восемь лет, мы получили кучу подарков, но упоминания заслуживают лишь два из них. Во-первых, отец привез нам из Москвы совершенно одинаковые костюмчики, в какие по традиции и должны быть одеты близнецы. Это были две чудесные брючные пары кофейного цвета с отливающими золотом галстучками на резинке. Во-вторых, мама подарила неведомую доселе железную машину с выгнутой линзой: машина при включении в розетку начинала ярко светиться, и то место на стене, куда был направлен хоботок с линзой, вдруг превращалось в экран с потрясающими изображениями. Так в нашу жизнь вошло чудо — диапроектор, порождавший на белой плоскости стены рисованные миры волшебных сказок, древних легенд и фантастических историй. Зачарованные, мы с братишкой проводили целые вечера в затемненной комнате, и по лучу, бьющему из фильмоскопа, уходили в иллюзорную реальность, создаваемую зрительным образом и словом — сменяющимися друг друга картинками и наложенными на них кусочками печатного текста. Я по сей день помню специфический запах нагретого аппарата, его монотонное гудение в темноте и поскрипывание ручки, перематывающей пленку диафильма.

В тот день к нам домой пришли гости — друзья родителей, все взрослые, важные люди, невыносимо серьезные и скучные. До меня с братом им не было ровным счетом никакого дела, а нам до них тем более. Все эти зануды собрались здесь,

— Угу, — отозвался он, шмыгая носом.

— Мне тоже. — Я помолчал. — Зря ты книгу в ячейку положил, все равно ее не получилось бы незаметно унести.

Кирилл перестал издавать ноздрями виноватые звуки и с любопытством посмотрел на меня.

— А как надо было?

— В туалете спрятать, за шкафом — там бы эту Библию в жизни никто не нашел. А перед уходом забежал бы на минутку в уборную, сунул книгу под куртку — и поминай как звали.

Вместо ответа Кирилл послал мне сияющий взгляд, полной братской любви и восхищения.

чтобы наклюкаться водки, поорать дурацкие песни да сообща поплакаться друг другу в жилетку. Вежливо выслушав напыщенные поздравления, более уместные для пятидесятилетних юбиляров, чем для восьмилетних мальчиков, а также пожелания «отличных успехов в школе и на производстве (каково, а?), крепкого здоровья и чтобы папу с мамой слушались»; терпеливо переждав этот положенный совдеповский бред, мы с Кирюхой, облегченно вздохнув, заперлись у себя в спальне, чтобы поскорее начать священнодействие с фильмоскопом.

Я благоговейно зарядил в аппарат диафильм с любимой «Золушкой», и для нас перестал существовать весь остальной мир. Сначала читал я, а Кирилл блаженствовал, впившись влажно поблескивающими в темноте глазами в сказочное величие жизни, спроецированной на стену. Потом мы поменялись местами, и за озвучивание текста взялся Кирилл. К тому времени он читал уже с поистине художественной виртуозностью, гораздо более точно и красочно расставляя логические акценты, нежели это делал я. Из состояния неземного блаженства нас вывел противный скрип двери, и в комнату бесцеремонно ввалилась уже изрядно завеселевшая матушка.

— Ромаха, давай кончай читать, — обратилась мама к Кириллу, — и оба выходите к нам. Покажите гостям что-нибудь из вашей самодеятельности.

Она удалилась, а мы с Кирюшей молча переглянулись и покатались со смеху: ну и ну, вот так костюмчики нам папенька подогнал — родная

мать попуталась, на нас гляючи. Хотя, конечно же, решили мы, она ошиблась потому, что раньше никогда не видела Кирилла читающим по собственной воле.

Не успели мы возобновить просмотр диафильма, как снова испытали вторжение на свою территорию: дверь приоткрылась, и в образовавшуюся щель просунулась взлохмаченная голова, сидевшая на длинной, тонкой шее. Это был один из гостей, которого мы с братишкой успели окрестить Дуремаром за его очень уж потешный вид. Голова медленно обвела нас невыразительным взглядом и молча пошамкала губами.

— Занимаетесь? — произнес Дуремар бесцветным голосом и одобрительно покивал. — Ну, молодцы, молодцы... Как, то бишь, вас зовут-то, имениннички?

— Роман, — со сдержанной серьезностью ответил Кирюха, уставившись на гостя серьезно и не улыбаясь, подражая привычной для меня манере обращения с незнакомцами.

— А я Кирилл, — легко и весело ответил я, расплываясь до ушей в самой дружелюбной улыбке, столь естественной для моего общительного братца. А потом мое тело вытворило нечто совсем уж нехарактерное для такого уравновешенного мальчика, как я: оно вскочило со стула и несколько раз пружинисто подскочило вверх, словно это действительно была не моя томная плоть, а упругая мускулатура Кирилла.

— Кирюха, прекращай скакать, — строго сделал мне замечание лже-Роман и хитро блеснул глазом, — представь, что о нас могут подумать люди.

— Правильно говоришь, Рома, — удовлетворенно поцокав языком, одобрил Дуремар, — дети должны вести себя смиренно. А ты, Кирилл, бери пример со своего брата — сразу видно, он старших уважает.

Сделав эти бесценные указания, нелепая голова проделала обратный путь в банкетный зал, и мы с Кирюшей снова остались одни, в полном восторге от нашей мистификации. Отныне мы не раз будем к ней прибегать.

В кабинете математики стояла напряженная тишина. Можно было почти наяву услышать, как гудят биопроекторы в головах у школьников, пытающихся написать самостоятельную работу и за пятнадцать минут решить на оценку целых две

задачи. Мозгового гудения не ощущалось только в личном пространстве моего брата. Я оторвал глаза от тетради и, вскользь бросив взгляд на Кирюшу, увидел, что тот склонился над девственно-незапятнанной страницей и по щекам у него в три ручья льются слезы.

— В чем дело? — шепотом обратился я к нему, ткнув ручкой в бок. — Задача не получается?

— Не-е-ет, зуб разболелся, — тоже шепотом провыл братишка, — мочи нет терпеть!..

— Горе ты мое, — сердито пробурчал я, — вечно твои зубы в самый неподходящий момент фокусы выкидывают. Подожди, сейчас урок окончится, я тебя к врачу отведу.

— А как же самостоятельная? — пуще прежнего захныкал Кирюха. — Я ведь «двойку» получу.

— Не знаю, — отрезал я, — придумаем что-нибудь.

Прозвенел звонок. Класс облегченно вздохнул. Напряженное гудение головных процессоров прекратилось, и к учительскому столу потянулись кипы однотонных тетрадей в целлофановых обложках. Прилежные школьники аккуратно передавали их по цепочке от задних парт к передним, совершая одно из роботизированных действий, что успели привить детям за три года обучения. На нашем столе плавное движение «конвейера» застопорилось: Кирюша растерянно смотрел на свою чистую тетрадь, явно не зная, что ему делать. Я молча закрыл ее и невозмутимо сунул в портфель, кипу же принятых тетрадей пополнил своей работой и подал в услужливую ручку впереди сидящего ученика — тот терпеливо ожидал, когда интеллектуальный груз осядет в его ладонь.

После урока я потащил пытавшегося сопротивляться Кирилла в кабинет к дантисту.

— Ну и ну, — неодобрительно прокомментировал врач, исследовав Кирюшину верхнюю челюсть своими страшными инструментами, — зуб не успел вырасти, а уже сгнил до самого корня. Удалять придется, молодой человек, лечить-то здесь нечего. Да и другие зубки вон уже кариесом тронуты — вы что же, совсем за ними не ухаживаете?

— Ну почему, ухаживаю, — пролепетал дрожащий и синюющий в преддверии ужасной процедуры Кирюша, — пастой чищу...

— Раз в неделю, — не без ехидства добавил я, стоя позади врачебного кресла, в глубине

которого мой несчастный братец готов был в любую минуту упасть в обморок (я остался в кабинете, чтобы Кириллу не было очень уж тоскливо один на один со щипцами и бормашиной), — зато шоколаду жрет каждый день по две плитки.

— Ой, как нехорошо, — покачал головой суровый доктор, поднося к Кирюшину рту шприц, — эдак вы к армии совсем беззубым останетесь. Как хлеб-то солдатский жевать будете?

— А в бульончике размочит — правда, Кирюш? — ласково сказал я и ободряюще похлопал братишку по плечу. — Сделает себе чудненькую солдатскую тюрю...

Дома Кирилл тщательно переписал себе в тетрадь решение задач, которое я подготовил для него на черновике, пока наш мученик дрых после зубоврачебной операции. В конце он увенчал свое рукописное творение крупной «пятеркой» красного цвета, по моему совету тщательно сымитировав почерк любимой первой учительницы.

На следующий день Екатерина Савельевна раздала тетради с самостоятельными и попросила учеников продиктовать оценки, чтобы выставить их в классный журнал. Я видел, как лихорадочно бьется жилка на шее Кирюши и как он весь сжался в комок в предчувствии принародного скандала. Когда же в тишине, словно выстрел, раздалось — «Кирилл Романов!», мне на секунду показалось, что братишка сейчас потеряет от страха сознание. Однако Кирюха в упор посмотрел на учительницу и без тени смущения огласил воздух обратным выстрелом — «Отлично».

— Молодец, Кирюша, — похвалила Екатерина Савельевна, — ты очень хорошо поработал.

«Это уж точно, — подумал я, опуская голову, чтобы скрыть невольную улыбку, — мой двойник научился весьма правдоподобно врать, такая работа действительно достойна похвалы».

— Я — преступник, — гордо заявил Кирюха, вышагивая по плитам тротуара, когда мы возвращались из школы. — Круто.

— А я, стало быть, дьявол, толкнувший тебя на преступление? — с насмешкой спросил я, скользя взглядом по набухшим почкам на деревьях — они были готовы вот-вот лопнуть и превратиться в нежную зелень.

ОТКУДА БЕРУТСЯ СТИХИ

*Когда б вы знали, из какого сора
Растут стихи, не ведая стыда...*

А. А. Ахматова

*Вдруг взметнутся легкой стаей
Из-под ближнего куста —
Лишь неясный отзвук тает,
Да роса летит с листа.*

*Из забытых снов далеких
На какой-то краткий миг
Силой ветров перелетных
Их заносит в этот мир.*

*В тесноте многоэтажной
Мгла ночная залегла...
Но расписан лист бумажный
Тонким росчерком крыла.*

*А над пламенем газона
Да и в сумраке двора
Воздух ими, как озоном,
Был насыщен лишь вчера.*

*Но, как грозные метели,
Зашумят и обовьют —
И забудешь день недели...
И презреешь свой уют...*

Ирина КОМАР

— Значит, дьявол круче преступника, — подумав, сделал вывод Кирюха. — А кто выше дьявола?

— Святой. Если ты совершаешь преступление не для того, чтобы сделать плохо другим, но просто потому, что у тебя душа поет и рвется к небесам, а люди все равно тебя любят и восхищаются тобой, то ты — святой грешник.

— Здорово, — выдохнул Кирилл, — а выше святого кто-нибудь есть?

— Конечно, есть. Бог.

— Ох ты... А как можно Богом стать?

— Никак, — сказал я, — человеку это не под силу. Но Бога можно познать. Люди сами к нему приходят, когда готовы к этому — вот как почки на деревьях: зреют себе, зреют и — бах — распускаются; так же и человек Бога находит, идя спокойненько каждый по своей дороге.

— По какой дороге? — не унимался Кирилл.

— Вот по этому пешеходному переходу, — съязвил я, — и путь тебя ожидает долгий: можно до конца жизни простоять на одном месте да так и не попасть на прием к Всевышнему, потому как автомобили здесь не имеют обыкновения останавливаться и пропускать прохожих.

— И что же в таком случае прохожий должен сделать? — полюбопытствовал брат.

— Ну, например, стать на время блаженным, — ответил я, — иначе говоря, прикинуться дурачком с ДЦП — типа Сереньки из барачков, помнишь? — машины при виде таких останавливаются как вкопанные.

— Вот так? — уточнил Кирилл, выпучивая глаза из орбит и скрючиваясь самым невероятным образом.

— Ага, — дурным голосом подтвердил я, вывалив язык и запорокинув набок головку. — Пошли.

Автомобили со свистом тормозили у «зебры», по которой неторопливо совершали шествие два убогих мальчика, и с беспрекословным почтением выстраивались в длинную очередь, уступая им дорогу.

— Тетенька, мы святые грешники! — с совершенно дебильным выражением лица проорал Кирюха приличной женщине, перебежавшей дорогу нам навстречу. — Идем вот с братцем к Богу, айда с нами!

— Господи Иисусе, — пробормотала тетенька, испуганно шарахаясь от нас, — бедные дети! Зачем таких вообще в живых оставляют?

— Чтобы вам, нормальным, веселее жить было, — ответил я своим обычным голосом, ступая на безопасную полосу тротуара, но женщина, наверное, меня уже не слышала.

Кажется, нам было лет пятнадцать, когда объявили тот памятный общешкольный сбор макулатуры. Администрация заинтриговала учеников крупными поощрительными призами, пообещав вручить их особо активным участникам акции. К тому времени мы с Кириллом уже вовсю тайком подменяли друг друга на подобных мероприятиях. Чтобы решить, кому в очередной раз идти впахивать на социум, мы бросали жребий: сначала использовали для этой цели монетку, а потом, учитывая нежную любовь Кирюши к картинкам, перешли на игральные карты. Наша система определения судьбы была самой безыскусной. Я раскладывал колоду на две кучки, а брат загадывал: например, если в левой окажутся четыре туза, то идти придется ему, а если нет, то извиняйте, но... Что ж, иногда попадались и все четыре туза, но почему-то чаще в правой кучке.

В тот день фортуна снова была не на моей стороне, и Кирюша, довольно посмеиваясь, протянул мне свою ветровку синего цвета, аккуратно уложенную в целлофановый пакет. Идея маскировки была трогательно проста: сначала я, серьезный и важный, приношу в школу кипу старых газет, одетый в свою красную куртку, а затем тайком переодеваюсь в синее и появляюсь перед народом, бодро посвистывая и сияя улыбкой брата.

Поработал я тогда на славу: от своего имени сдал на переработку целых двенадцать килограммов макулатуры, а девять записал на брата, посчитав такое распределение имущества вполне справедливым. Когда я вернулся домой, усталый, но вполне довольный собой, стояла мирная тишина. Я подумал, что в квартире никого нет. Однако решение мое оказалось преждевременным. Без всякой задней мысли войдя в нашу с Кириллом комнату, я обомлел от неожиданности: на разложенном диване самым бесстыжим образом валялся мой братец, а рядом с ним лежала Оля Е. — скромная девочка из параллельного класса, в которую я уже несколько месяцев был тайно

влюблен. По полу были разбросаны предметы одежды, включавшие самые интимные детали женского гардероба, а тела двух бездельников едва прикрывала смятая простыня. Полминуты, наверное, я пялился на это безобразие, не в силах произнести ни единого слова, а любовнички с молчаливым интересом поглядывали на меня.

— Сволочь, — сказал я наконец, когда ко мне вернулся дар речи, — я ведь за двоих вкалывал.

— Я тоже, — невинно отозвался братец, — за нас обоих.

Скромная девочка Оля Е. в голос расхохоталась и под простыней похлопала Кирилла по заднице.

— Он тебе все подробно расскажет — правда, Кирюшенька? — озорным голосом пообещала мне Оля. — Куча материала для твоих новелл. А сейчас, Романов, выйди, пожалуйста, я оденусь...

Я выскочил из комнаты с пылающими щеками. Значит, этот паршивец уже всем разболтал, что я детально записываю в особую «литературную» тетрадь его рассказы о том, как он встречается с девочками, целуется с ними и все такое, а потом пишу короткие любовные истории, иногда от первого лица (так, чисто для себя), пользуясь его жизненным опытом. В конце концов, я же не виноват, что не имею успеха у девчонок. Это судьба одарила нас подобным образом: легкомысленному Кириллу — все блага жизни и вся ее любовь, а мне — лишь интеллект, воображение да еще, пожалуй, способность придумать себе убедительную историю на бумаге и заставить людей поверить, что все написанное мной так в точности и происходило...

Я был вне себя от стыда и гнева и решил, что жестоко отомщу брату за его насмешку над моей тайной.

Веселый Кирюша посмеялся тогда не только надо мной. На следующий день после акции классная дама провела опрос, чтобы выявить победителя. Мой братец томно слушал, как наши одноклассники бойко выкрикивают: «Собрано семь кг бумаги!», «Принесено одиннадцать кило макулатуры!», и когда очередь дошла до него, окинул ребят своими ясными глазами и с какой-то особенной, подкупающей простотой сказал:

— Сорок два килограмма.

А потом, ангельским взором проследив, как у меня безвольно опускается челюсть, добавил:

— И, кажется, еще триста граммов.

Затем последовала торжественная линейка, на которой растроганная директриса собственноручно преподнесла скромно улыбавшемуся Кириллу чудо современной техники — роскошный магнитофон с радиоприемником. Братец взволнованно пожал руки двум другим победителям соревнования — плечистым парням из девятого класса, которые хмуро сжимали крепкими пальцами по пачке фломастеров, и послал мне ослепительную улыбку (я, кстати, тоже тогда заработал приз — карманный фонарик). На Кирилла были устремлены восхищенные и завистливые взоры всей школы. Чувствуя, что общество ожидает от него речи, братишка от души предложил почаще проводить подобные полезные мероприятия — например, сбор металлолома — и делать поощрительные подарки еще более заманчивыми и весомыми, чем-нибудь вроде мотороллера.

Кирюша облюбовал честно заработанный мною фонарик — он вообще был падок на всякого рода красивые безделушки — и предложил мне передать вещьцу в его вечное пользование. Так как фонарь лежал у меня мертвым грузом, я отдал его без всякого сожаления. Брат полюбил новую игрушку нежной любовью. Он вынимал ее при любом удобном случае, включал и направлял острый луч куда ни попадя, словно пытался открыть новые грани давно известных ему предметов и высветить пучком фотонов их потаенную сущность, скрытую под толстым слоем обыденной реальности. У Кирюхи в связи с этим даже появилась новая ежевечерняя церемония. После того как мы укладывались в постель и четверть часа болтали на сон грядущий, братик еще раз вставал и по лучу, разрывавшему тьму, совершал путешествие до туалета и обратно — только после этого он засыпал полностью удовлетворенный, исчерпав все удовольствия прожитого дня.

Во время одной из Кирюшиных проходов в мистическом свете фонаря у меня возникла идея, как можно остроумно и беззлобно подшутить над моим впечатлительным братом. Я заранее приготовил медицинскую резиновую перчатку (мать использовала ее в хозяйственных целях) и вырезал из черной бумаги длинную, в несколько метров, полосу с ответвлениями в виде цветочных корней. Этот реквизит я спрятал за диваном и однажды

Мозгия

*По небу бабушки летели.
Летели к тем в расветной мгле,
С кем почему-то не сумели
Соединиться на земле.
Летели гордо и открыто
По всем попутным им ветрам;
Летели, словно маргариты
К своим любимым мастерам.
Они гортанно песни пели
И тихо таяли, как дым...
По небу бабушки летели,
Летели к дедушкам своим.
И каждым утром легкой птицей
Я, как они, лечу во мгле
К тому, с кем мне соединиться
Никак не выйдет на земле.*

Ирина БАТРАЧЕНКО

вечером, когда Кирюша торжественно отправился с фонариком в ванную комнату, в две минуты сотворил «натюрморт», вполне пригодный для фильма ужасов. Надув перчатку и перевязав отверстие шелковой нитью, я поместил ее сверху на край шкафа — так, что создавалась иллюзия бледной отрубленной руки, из которой ручьями льется жертвенная кровь (именно так смотрелись черные бумажные полосы на светлой поверхности шифоньера). Сам я натянул пару перчаток из черного бархата (опять же, позаимствованных из материнского гардероба) и, оставив спальню, притаился в темной глубине гостиной.

Не ожидающий подвоха Кирилл вышел из уборной, мирно насвистывая себе под нос, и двинулся вслед за лучом в нашу комнату. Он распахнул прикрытую дверь и в момент, когда фонарик выхватил из мрака сотворенную мной жуткую картину, издал такой роскошный вопль, которому позавидовала бы сама Елена Образцова. В это мгновение я подскочил сзади и одной рукой в черной перчатке зажал Кирюхину вопящую пасть, а другой несильно обхватил его за горло...

Потом я полночи успокаивал своего несчастного слабонервного брата: он плакал и даже под двумя одеялами не мог унять дрожь. В душе мне, наверное, было немного стыдно за свою выходку, но все-таки я был польщен тем эффектом, который произвела на Кирилла моя неожиданная шутка. Досадно, конечно, что братец не смог как следует передать мне словами свои ощущения в тот момент, когда рука мнимого убийцы коснулась его сонной артерии, но от таких людей, как Кирилл, требовать это совершенно бесполезно. Они способны лишь до конца пережить полноту мгновения, но оказываются совершенно бессильными перед вербальным воспроизведением своего опыта. Для этой цели в мире существуют особи вроде меня: не имея собственной жизни, мы, как бледные тени, охотимся за всплесками чужих эмоций, чтобы, пожрав их, пропустив через пищеварительную систему своего мозга, оставить на бумаге слабые, безжизненные отблески человеческих страстей и судеб.

Повестка из военкомата ворвалась к нам в дом вместе с резким, продолжительным звонком,

разбудившим всех в шесть утра. Неприветливый человек в форме попросил братьев Романовых расписаться на казенном бланке и в императивных терминах пригласил нас с Кириллом явиться на призывной участок для прохождения жестоко унижительного медосмотра.

— Ну что, здравствуй, Чечня? — невесело усмехнулся сильно расстроенный Кирюша: очень уж ценил свободу мой братец-мотылек.

— А она тебе по зубам? — с иронией спросил я. — Чем солдатский хлеб-то жевать будешь?

— Заткнись, и без тебя тошно, — краснея, сказал Кирилл.

Когда моего брата, истинного баловня судьбы, спрашивали, есть ли вообще в его беззаботном существовании какие-нибудь проблемы, он отвечал, что проблема у него одна-единственная — стремительно портящиеся зубы. Он без конца наносил визиты стоматологу, который безмятежно опустошал ему рот и объяснял непрерывный процесс разрушения эмали недостатком кальция в организме. Я же объяснял это по-своему, усматривая в катастрофически быстро гниющих зубах Кирилла расплату за вечное надувательство людей.

— Постой-постой, — внезапно спохватился я, вспомнив кое-что интересное насчет армейского хлеба и правил его пережевывания из свода заболеваний, определяющего степень годности призывников к строевой службе. — Сколько там у тебя удалено зубов на верхней челюсти?

— Шесть, — нехотя отозвался Кирилл, мрачно пересчитав перед зеркалом свои зияющие дыры. — И один гнилой, можно вытаскивать.

— Вот если бы у тебя не было восьми зубов, ты был бы признан негодным для службы, — бросил я из-за плеча, застилая постель.

— То есть ты хочешь сказать, что мне нужно пойти и вырвать еще два зуба, в том числе и совершенно здоровый, так, что ли? — с возмущением воскликнул Кирилл. — Что я, псих, по-твоему? Может, что-нибудь получше предложишь?

— Могу и получше, — отозвался я. — Предлагаю тебе отрубить большой палец на правой руке — быстро и наверняка...

Стоматолог деловито осмотрел рот Кирилла, который сидел в кресле бледный и несчастный, поминутно хватаясь рукой за щеку и морщась от боли.

— Извините, молодой человек, — сухо сказал дантист, — но я не собираюсь удалять нерв у абсолютно здорового зуба. Я пока еще в своем уме.

— Вы, кажется, не так поняли, — мягко возразил я, стоя, как ангел-хранитель, за спиной братишки, издающего сдавленные мученические стоны, — зуб нужно просто вырвать, и все тут, иначе этот идиот сведет с ума всю семью. Мы уже третью ночь не спим из-за Кирюшиных воплей. Простите, но мы не покинем кабинет, пока вы не избавите брата от причины его и наших мук.

— Ну, как знаете, — пожал плечами дантист, — ваше право, в конце концов, калечить себя. Потом только претензий мне не предъявляйте.

— Претензий не будет, — пообещал я, улыбаясь и про себя издавая вздох облегчения оттого, что мой план удался.

Врач-анестезиолог поднес к лицу Кирилла черную маску с эфиром.

— А что если я не выйду из наркоза? — с опаской спросил брат, отводя в сторону его руку.

— Ничего страшного, — мягко ответил я, — останусь я и буду жить за двоих, так что, обещаю, твоего исчезновения никто даже не заметит. Стану волшебным образом превращаться из Золушки в принца, натягивая твою дурацкую кепочку и драные джинсы. Подвоха никто не заподозрит, потому как даже индикаторы-туфельки мы носим одного размера.

— Сволочь, — выразительно сказал Кирюша и притянул к лицу руку врача с маской, временно лишаящей человека сознания.

Я сидел в окрашенном тоскливой зеленью коридоре военкомата, ожидая Кирилла у дверей зубо-врачебного кабинета. Мимо меня дефилировал туда-сюда недружелюбно глядящий исподлобья военный. Когда из комнаты с надписью «Психиатр» или «Хирург» появлялся полураздетый парень, проходящий медицинскую комиссию, суровый военный быстро приближался к нему, брал у него папку с личным делом и вел к очередному врачу. Наконец, дверь распахнулась, и ко мне стремительно выбежал Кирилл, радостно потрясая медицинской документацией

— Я — «негодник», — торжественно объявил он, лыбясь во весь рот, в углах которого уже стали заметны пустые места.

Возникший рядом с Кириллом неулыбчивый военный забрал у него папку с врачебными показаниями и, взглянув на объемную запись, сделанную дантистом, презрительно махнул рукой.

— Можешь идти домой, салага, — прогавкал он в типично милитаристской манере и поспешил к очередному призывнику.

Мы вышли на свежий воздух.

— Ну, с «белым билетом» тебя, братишка, — поздравил я Кирилла. — Считаю, что ты дешево купил себе свободу.

— Да уж, — хмыкнул Кирюха, трогая языком еще не зажившую после операции десну. — Кто бы мог подумать, что мои ужасные зубы обернутся мне во благо? Ну, а ты-то как — может, и у тебя какое отклонение нашли?

— Нет, не успели, — коротко ответил я.

— То есть?

Я остановился на дороге и стал расстегивать плащ под недоумевающим взглядом брата.

— Смотри, — сказала я, распахивая свой длиннополый макинтош: под его покровом, глубоко засунутая в брюки, лежала заветная папка с моим личным делом — люди в военкомате берегли его как зеницу ока и все-таки проворонили. — Больше я в их списках не числюсь. Можно сказать, теперь я для них вообще не существую: без этого файла им и искать-то некого. А если и вспомнят мое лицо, то наверняка подумают, что это был ты, и скажут: так ведь это же тот самый беззубый «негодник», от которого в армии толку, как от козла молока...

— Ну ты даешь, братан, — ошарашенно сказал Кирилл, с изумлением глядя на меня, — а мне-то всегда казалось, что святой грешник — это я...

Я лишь коротко хохотнул.

Мы бродили с Кириллом вдоль бесконечных стеллажей американского торгового центра «Фред Майер». Братец не мог прийти в себя от потрясения при виде буржуазного изобилия товаров: ему нужно было все потрогать, поохать над каждой изящно упакованной мелочью и идти дальше, скрепя сердце от горького осознания того, что данное великолепие — не для нищих русских туристов. Внезапно он застыл как вкопанный над какой-то коробочкой и легким окликом привлек к ней мое внимание. Я подошел к полке.

— Смотри, — шепотом сказал Кирюха, как будто бы кто-то здесь понимал русский язык, — знаменитые карты Таро.

— Да, они самые, — согласился я, прочитав надпись на синей упаковке, под которой было запрятано бесценное сокровище, оцененное, однако, практичными американцами в пятьдесят долларов. — Пошли дальше.

— Нет, постой, — умоляющим голосом произнес Кирилл, — неужели мы уедем отсюда без единого, самого маленького, сувенирчика?

— Что ты предлагаешь? — спросил я подозрительно. — Выкинуть на карты полста баксов? Нет, уволь: нам еще две недели на что-то жить нужно.

Кирилл подошел ко мне вплотную, так что я почувствовал его дыхание у себя на волосах.

— Помнишь — хлеб и книги воровать не грешно? — одними губами прошептал братишка.

— Ты псих, это не книга, — тоже беззвучно произнес я. — Не впутывай меня, пожалуйста, в свои аферы. Я иду к выходу.

— Я буду через пять минут.

— Здесь на каждом шагу камеры, — предупредил я Кирилла.

— Я все сделаю незаметно.

— Не забудь отодрать магнитный код, так, на всякий случай, — посоветовал я со скучающим видом, неторопливо продвигаясь вдоль стеллажей, — а то, чего доброго, зазвенит на контроле.

— О'кей, — произнес Кирилл единственное известное ему английское слово.

Я вышел из магазина на свежий воздух и сделал несколько нервных глотков кислорода. Через две минуты вслед за мной вышел Кирюха — с непроницаемым лицом, но натянутый, как струна.

— Пошли отсюда, — металлическим голосом произнес он в мою сторону, и мы деловым широким шагом направились прочь от универмага.

— Все в порядке? — коротко спросил я.

— Как учили, — так же кратко ответил брат, слегка приподнимая куртку, под которой я узрел кусочек блестящей синей упаковки. — Наивные американцы не подозревают, кто пожаловал к ним в гости.

— А все-таки книга здесь тоже есть, — весело объявил Кирюха, вслед за колодой вытаскивая из упаковки черный фолиант, оказавшийся путево-

дителем по мифической системе Таро. — И еще какая-то тряпочка.

Тряпочка оказалась квадратом черной шелковой ткани с золотым изображением кельтского креста и предназначалась для раскладывания на ней изумительной красоты карт. Мы уселись прямо на полу возле наряженной к Рождеству елки и в мягком свете праздничной гирлянды приступили к священнодействию.

Я с наслаждением касался пальцами прохладной и гладкой поверхности карт, в особой последовательности выложенных на шелке; переворачивал их вверх картинкой, изображавшей сюжет одного из греческих мифов, и в книге отыскивал его символическое и пророческое толкование. Я неторопливо переводил вслух текст с английского языка, заодно упрощая его так, чтобы было понятно Кириллу, по-детски внимавшему мне с приоткрытым ртом.

Перевернув очередную карту, я вдруг почувствовал внутренний озноб, хотя абсолютно не знал ее значения — просто интуитивно уловил исходящую от картинки энергию беспокойствия. Ничем не выдав волнения, я начал про себя читать пояснения. Чем дальше я читал, тем больше возрастало мое смущение. Карта предостерегала Кирилла от легкомысленных поступков в ближайшем будущем и говорила, что если он даст волю безрассудству, то дело может обернуться большим скандалом, которого, однако, при благоразумном поведении легко можно избежать.

— Ну что там? — с нетерпением прервал мое чтение брат.

— Все в порядке, — ответил я наконец и, подняв на Кирилла глаза, широко и ободряюще ему улыбнулся, — все в твоих руках, фортуна к тебе благоволит.

Кирюша глубоко вздохнул и довольно потер ладони. Я тоже вздохнул, впервые в жизни чувствуя угрызения совести: я прекрасно знал, что задумал мой двойник, но не собирался удерживать его от необдуманных поступков.

Я сидел в доме один: рассеянно перелистывал страницы какого-то журнала, слушал шорох дождя, что бился каплями о крышу, и глядел в пламя электрокамина. Все эти действия, однако, лишь бездумно сопровождали терзавшее меня с самого утра ожидание неизвестно чего. Когда же в шур-

Поэзия

РАЗГОВОР С КАМНЕМ, УЛИТКОЙ, ПЕСКОМ, РЫБОЙ И ЯБЛОКОМ

Камень сказал мне:

— Три дороги у нас.

Три дороги.

Всего три дороги.

Улитка сказала:

— По какой ни тащишься — тащи

весь дом на себе.

Песок прошептал:

— Столько невзгод, сколько песчинок несметных.

А рыба сказала:

— Молчи

и не жалуйся, бедный.

А яблоко так говорило:

— Либо съедену быть, либо завянуть на старости лет.

Так говорили со мною камень, улитка, песок, рыба и яблоко.

Александр КУЛИКОВ

шашей тишине вдруг раздался пронзительный телефонный звонок, я понял: вот оно, то, чего я ждал все это время.

— Это Кирилл, — услышал я в трубке приглушенный и сбивчивый голос брата, — меня арестовали во «Фреде Майере» за кражу. Приходи скорее, я в кабинете инспектора. Он меня упорно о чем-то спрашивает, а я только жестами показываю, что ни хрена не понимаю.

— Горе ты мое, — ответил я, кусая губы, чтобы не выдать улыбку в голосе, — ладно, сейчас буду.

Спустя десять минут я уже стоял на пороге кабинета с надписью “INSPECTOR” и вовсю потешался, заглядывая через дверь внутрь. Кирюша сидел на стуле перед невообразимой грудой награбленного барахла, а против него восседал крупногабаритный мистер в штатском, заноса в ноутбук названия товаров, на которые позарился мой отчаянный братец.

— Добрый день, — поздоровался я на безжалостно исковерканном английском, — я брат этого парня.

— О, вы брат м-ра Кирилла Романова? — обрадованно уточнил инспектор, вполне симпатичный молодой человек, заглядывая в Кирюхин паспорт, — очень хорошо, что вы пришли — мне бы хотелось задать вашему родственнику несколько вопросов, а он совсем не говорит по-английски.

— Говорит, и куда лучше меня, — сказал я с убедительностью, — просто, наверное, от страха потерял дар речи. Если позволите, я останусь с ним на несколько минут один на один, а вы можете запереть нас снаружи.

— О, конечно, конечно, — с готовностью согласился инспектор, — почувствуйте себя как дома.

Он вежливо вышел за дверь и несколько раз повернул ключ в замке.

— Черт подери, — воскликнул Кирилл, энергично вскакивая на ноги, — вечером у меня встреча с Джинни, а меня, скорее всего, упекут на пару суток в тюрьму.

— Слушай сюда, — деловито сказал я, — если будешь быстро соображать, вечеринка с Джинни тебе обеспечена. Живо раздевайся, и по возможности бесшумно...

Через минуту я в Кирюхиной одежде сидел на поверхности нагретого им стула, а брат, которому я передал свои документы и ключи от дома,

скромно стоял у дверей. За секунду до того, как в кабинет вошел инспектор на пару с управляющей отделом, что добросовестно очистил Кирилл, последний успел молниеносно вытащить из кучи на полу часы с серебряным браслетом и невозмутимо застегнуть их у себя на запястье.

— Гуд-бай, инспектор, — с могучим русским акцентом сказал братишка растерянному американцу и направился к выходу.

— Сэр, эй, сэр, постойте, — попытался остановить он Кирилла, но я обратился к славному парню на чистейшем английском, который благо-разумно припас на последний момент:

— Ну ладно, ладно, сдаюсь — можете задавать мне свои вопросы...

Далее последовало дознание, проведенное работниками магазина, и процедура эта развеселила меня до глубины души своей нелепой серьезностью, напомнив памятный допрос в детском саду.

ИНСПЕКТОР: Сэр, зачем вы взяли все это?

Я: Хотел сделать подарки своим российским друзьям.

ОЧКАСТАЯ УПРАВЛЯЮЩАЯ ОТДЕЛОМ (*враждебно*): Вы знали, что за вами начали следить, потому что вы целых сорок минут провели в ювелирном отделе и вызвали подозрения продавца?

Я: Нет, конечно, не знал. (*про себя*) Ну и олух мой братец — ведь предупреждал же, что здесь работают профессионалы!..

ИНСПЕКТОР: Вы знаете, Кирилл, что мы вынуждены арестовать вас и отправить на несколько дней в тюрьму, потому что вы взяли товару больше чем на двести пятьдесят долларов?

Я (*пожимая плечами*): Что ж, ничего не поделаешь... (*улыбаясь*) А вы притворитесь, что я украд вещей всего на сто баксов.

ИНСПЕКТОР (*качая головой, серьезно*): Нет, сэр, я должен быть честным. Порядок есть порядок.

Я: Понимаю вас. Мне, право, нравится ваша принципиальность. (*Неожиданно для работников универсама смеюсь в голос*). Ужасно глупая ситуация! Вы на меня сердитесь?

ИНСПЕКТОР: Нет, вовсе не сержусь. Каждый человек идет к Богу своим путем...

Одетый в красный тюремный костюм (холщовые штаны и блузка без рукавов), я лежал на

низкой жесткой кровати в огромной камере, где находилось еще человек пятьдесят заключенных. Сквозь щелочку в забранном решеткой окне я смотрел на далекие огни американского города. Несмотря на ночное время, в камере было светло: здесь круглые сутки горел свет, чтобы надзиратель, сидящий за огромной стеклянной стеной, мог спокойно наблюдать за арестантами. Его взору были доступны даже туалет и душевая, отгороженные от остального помещения лишь не очень высокой перегородкой. Право на уединение, о котором наверняка упоминает Конституция США, здесь явно не приветствовалось, отчего первое время я ощущал себя не слишком уютно.

Рядом со мной на пахнущей сыростью постели лежала карманного формата Библия. Ее предложил мне за обедом белозубый и веселый негритянский парнишка — он угодил в тюрьму за то, что его застукали в общественном месте раскуривающим «косячок» с марихуаной. Так как у заключенных времени было хоть отбавляй, то Библия, этот бестселлер всех времен и народов, пользовалась среди них огромной популярностью — на свободе, понятное дело, никому не хотелось тратить на нее драгоценные минуты.

Я лежал с думами о Кирюше и о той, первой в нашей жизни Священной книге, на которую братец позарился много, много лет назад. Сейчас я вдруг ясно осознал, что восхождение Кирилла к Непостижимому началось именно тогда, когда он, подчиняясь направлявшей его могучей силе, решился украсть Библию. Он не знал, зачем это делает, но, ощущая дыхание Всевышнего, что исходило от книги, неосознанно захотел соединиться с ним — пусть даже ценой преступления. Его путь к Богу с самого начала был дорогой греха, потому что только совершая поступок, безнравственный с точки зрения общества, Кирилл поднимался по ступенькам самопознания; только преступление наполняло его душу восторгом, близким религиозному экстазу.

До того как в голове у меня родился мгновенный план пойти в тюрьму вместо брата, я лелеял давнюю мечту самому вляпаться в какую-нибудь невообразимую историю и потом со знанием дела описать все подробности произошедшего со мной. Когда благодаря картам Таро я понял, что смогу направить стопы Кирилла на преступление, а затем поменяться с ним ролями (при этом не подмочив собственной репутации), душа моя преисполнилась великой радостью.

Однако постепенно восторг куда-то незаметно улетучился. Тюремные часы однообразно отсчитывали минуты, я лежал на сырой постели, и ничего не происходило. Когда монотонное течение часов, казалось, заиклилось в вечность, прирожденная способность трезво мыслить внезапно оставила меня. Я больше ничего не ощущал — лишь равнодушно следил, как мое сознание утекает подобно газу из проткнутого шарика. Вдруг мою голову и тело наполнила какая-то чудесная легкость. Думать больше ни о чем не хотелось — хотелось действовать.

Повинуясь непреодолимому порыву, я открыл Библию и с безмятежностью в душе вырвал из нее страницу. Мои пальцы сами собой стали совершать над листиком некие манипуляции, и через полминуты из-под них вышло чудесное творение в виде бумажного самолета. Я подул в его заднюю часть, наполняя воздухом, и пустил в полет по камере. При виде самолетика, исписанного священными словами, меня охватило ликование. Я взял Библию и запрыгнул с ней на высокий стол, за которым обедали арестанты. Одну за другой вырывал я страницы из книги, проворно делал самолеты и запускал их, нацеливая Священное слово на кровати, где мирно спали заключенные в красных одеяниях.

Наутро вся камера была усеяна бумажными самолетиками, и арестанты просыпались с лицами, просветленными Благой вестью, за ночь чудом осевшей у них на постели.

